

ПЕДАГОГИКА Л.И. НОВИКОВОЙ

Юрий Степанович Мануйлов, доктор педагогических наук, профессор,
г. Нижний Новгород

Академик Л.И. Новикова

Есть люди, воспитательную роль которых и их значение в судьбе понимаешь спустя годы. Людмила Ивановна не оставила учебника по педагогике. К учебникам она вообще относилась скептически. Но у неё была своя педагогика. Это педагогика её отношений к жизни, педагогика научного творчества и, наконец, педагогика созданной ею научной школы, так называемого «невидимого колледжа», объединяющего многих учёных и исследователей-практиков со всей страны. Начну со своих давних воспоминаний.

Время событий — последняя треть прошлого века. Место действия — Москва. Аспирантура. Встреча в НИИ ОПВ АПН СССР с будущим научным руководителем. Затем квартира Людмилы Ивановны и беседа на профпригодность. «Перекрёстный допрос» трёх докторов наук. Итог был обнадеживающим: «Возьму, но тему сменить, она должна соответствовать проблематике лаборатории или ищите другого руководителя!» (Как

всё-таки серьёзно в те годы подходили к отбору аспирантов!) Бросать тему мне не хотелось. Но тогда ещё не знал, что был обласкан судьбой, оказавшись в знаменитой лаборатории «Коллектив и личность», возглавляемой этой замечательной женщиной. С новой темой Л.И. Новикова, к моему удивлению, согласилась сразу. И с тех пор вот уже тридцать лет я не расстаюсь со словом «среда».

Сказать, что для нас, аспирантов, Людмила Ивановна была авторитетом, значит ничего не сказать. Мы перед ней преклонялись. Её отличала внимательность к людям, прямота и твёрдость в суждениях. Если встречалась с высокомерием или хамством, то реакция её была мгновенной и резкой. Чувствуя силу, недруги и завистники её побаивались, а сотрудники сплывались вокруг неё. Свойство её природы — отходчивость, зла она долго ни на кого не держала. Судя по всему, Людмила Ивановна получила замечательное воспитание в семье. Её матушка (не помню, кто об этом говорил) работала в Наркомате просвещения вместе с Н.К. Крупской и заговаривала с нами, аспирантами, по-французски. Мы только

рассеянно улыбались. Из книг, доставшихся от Людмилы Ивановны, я храню её подарок — брошюру М.С. Бернштейна «Методика и техника обследования среды в Америке», изданную в 1930 году.

* * *

I. Педагогика отношений

1. Отношение к жизни. Известно, чтобы быть учёным, нужно вести определённый образ жизни. Обычно распорядок дня у Людмилы Ивановны был следующим: утренняя прогулка с собакой Баськой, завтрак, работа над своими и чужими текстами, чтение корреспонденции. По вторникам и пятницам поездки в метро и автобусах до НИИ. Вечером — ужин и беседы с учениками и коллегами, просмотр газет, приём аспирантов. Не помню, чтобы она ужинала в одиночестве, у неё всегда были гости. В беседах часто принимала участие её «сестрица». Так она ласково называла жившую вместе с ней дорогую Лидию Ивановну, элегантную женщину, доктора наук, философа дизайнера. Следует заметить, что в их доме телевизор не включали, разве только для просмотра культовых, как правило, эстетских (по рекомендации Лидии Ивановны) фильмов и новостей. Политическая борьба не оставляла сестёр равнодушными, и нелицеприятные оценки нередко адресовались тем, кого они видели на экране «по ту сторону баррикад». Телефон в квартире звонил часто и выполнял свою прямую функцию связи с внешним миром. Радиоприёмник, стоявший рядом с её кроватью, настроенный на «чуждые голоса», завершал её трудовой день.

Ничем внешне примечательным образ жизни нашего Учителя не был, кроме того, что он был предельно интеллектуально и эмоционально насыщен.

И в аспирантуре, и после её окончания мы перенимали отношение научного руководителя к жизни, копировали сам способ её проживания.

2. Отношение к времени. Людмила Ивановна была неторопливым, но энергичным человеком. Мне иногда казалось, что время её не особенно беспокоило. Она жила преимущественно в пространстве, вне быстротечного времени, хотя иногда говорила «надо подсуетиться». Её не устраивало понятие «система воспитания» как временная последовательность мероприятий, может быть и потому, что в её основе лежат временные, а не пространственные отношения, в отличие от воспитательной системы.

3. Отношение к карьере. Людмилу Ивановну не назовёшь карьерным человеком. Она не прогибалась перед начальством, не рисовалась. За себя никогда не просила, никого не подсживала. Я бы её назвал вынужденным академиком. Её долго уговаривали написать заявление в действительные члены Российской академии образования (я помню этот момент), но она всё откладывала и откладывала.

4. Отношение к славе. Была скромным человеком и не претендовала на гениальность, считая некоторых из своих коллег более способными. Не буду приводить их имена. Одно международное издание сделало ей предложение за некоторую сумму, из памяти стёрлась величина, вписать её имя в мировую энциклопедию, которое, кажется, называлось «Выдающиеся женщины планеты». Она была возмущена цинизмом предложения и негодовала по этому поводу.

5. Отношение к Родине. Безусловный патриот. Из переписки 1995 года. «А в Германии, судя по Вашему письму, живут неплохо. Но мне не завидно: «Зачем нам, поручик, чужая страна?» Со своей как бы разобратся. А то «гуме турки, в думе — урки, коммунисты во Христе».

6. Отношение к собратьям по цеху. Ровное. Исходила из принципа «невмешательства и мирного сосуществования». Не «бросала камни» в чужой огород,

а призывала возделывать собственный. Её самооценка и оценка других во фразе из Горького «На дне»: «Все мы маленькие, черненькие, и все мы прыгаем». Как член Диссертационного совета никому не мешала защищаться, вопросы не задавала, себя не демонстрировала, предпочитая дремать. Но это была видимость, так ей было удобнее «мониторить» происходящее и в нужный момент осаждать оппонентов.

7. Отношение к ученикам. Принцип «Как можно больше любви и как можно больше требовательности» лучше всего характеризует педагогику отношений нашего учителя. На «коротком поводке» она никого не держала, хотя им часто пугала аспирантов. Отправляла нас на все стоящие научные «тусовки», выбивала командировки для поездок на конференции. За годы аспирантуры мы встречались со многими выдающимися учёными и философами. Она буквально пестовала аспирантов, но больше заботилась о докторантах. Переправляла книги, статьи, вводила в проблемные советы Академии педагогических наук СССР, высылала приглашения, опосредованно (через родственников) и непосредственно влияла на ход наших исследований.

Особенной заботой была защита. Привожу текст её письма: «Наши новости: Полукаров и Поляков защитились весьма успешно. У Володи — «единогласно», у Сережи — 1 «против» (указана фамилия). У Володи (на совете Сластенина) защита шла гладко. У Сережи (защита у нас) с большим скрипом, хотя работа хорошая. Просто наши «великие» деятели «не поняли» и «не оценили». Здесь уже я «сработала». Оказывается, мало написать хорошую диссертацию, надо ещё защиту организовать. Вот как я «выйду в тираж» (а это не за горами), то и организовать будет некому».

8. Отношение к текстам. Не правила орфографию, ценила мысль. Но важен был и язык. Говорила «Я — неважный стилист, а Вы — ещё хуже». Высшей оценкой у неё была: «интеллигентная диссертация». Журналистский жанр не приветствовала, хотя допускала публицистику.

Особое отношение к авторефератам. Текст автореферата должен быть «вылизан». Но была против того, чтобы автореферат, как «обструганное дерево» (её выражение), превращался в телеграфный столб. Она сожалела, что из текстов её

аспирантов, дабы не раздражать академиков, выбрасывали новые понятия, как это было сделано в моём случае с «актуализацией, персонализацией и персонификацией среды». Обычные тексты аспирантов Людмила Ивановна воспринимала с долей юмора, называя их «опусами» или «бредом», а приобщающуюся к науке молодёжь — «эмбрионами».

Важный аспект педагогики отношений Новиковой: чужие тексты нельзя выдавать за свои. Плагиат исключался. «Не твоё, не бери» — одно из правил Людмилы Ивановны.

9. Отношение к книгам. В личной библиотеке преваляла специальная литература. Среди авторов книг — классики философии, психологии, мыслители типа Германа Гесса и др. Не выдержавшую временем литературу Людмила Ивановна и Лидия Ивановна «сплавляли» аспирантам. Из кучи книг, периодически высвобождающихся с полок, мы выбирали то, что нас интересовало. И сейчас я храню книги из личной библиотеки Новиковых.

10. Отношение к сотрудникам.

Людмила Ивановна считала, что лаборатория «Коллектив и личность» должна соответствовать названию. Действовал негласный принцип «от каждого по способностям, каждому по заслугам». У каждого была функция.

Маргарита Дмитриевна Виноградова выполняла особую работу. Получить согласие на какой-либо проект у президента, тогда им был М.И. Кондаков, с которым она, кажется, вместе где-то училась. Договориться с начальством, проверить на соответствие требованиям все необходимые для защиты документы — в этом ей не было равных. Илья Ефимович Первин был наставником молодёжи, давал ценные советы по структуре диссертации, основным положениям и правилам поведения в научной среде. Александр Тимофеевич

Куракин — генерировал научные идеи, был мозгом лаборатории. А раз так, то мы понимали, что он где-то там творит, и поэтому мы его редко видели. Анатолий Викторович Мудрик — молодой, оригинальный и талантливый учёный, осуществлял функцию интеллектуальной и моральной поддержки аспирантов. Он был старшим другом и неформальным куратором молодёжи. Наталья Степановна Дежникова, Валентина Ивановна Максакова и другие замечательные исследователи выполняли иные, не менее важные, функции. Аспирантам полагалось встречать, провожать, получать, относить, осуществлять курьерскую работу. Всем поручалось то, что у них лучше выходило. Функции не прописывались, действовал механизм экспектации. Это делало работу лаборатории мобильной и действенной. Существенно то, что к исследованию аспирантов все относились как к общему и важному делу всей лаборатории.

11. Отношение к учительству. В прошлом сельский учитель (замечу, в годы войны семью вывезли из Москвы на Алтай, там она и начала свою трудовую деятельность), Людмила Ивановна всегда, даже когда стала академиком, ездила в «глубинку», чем удивляла многих. Там она искала живых, талантливых людей. Им она предлагала заняться наукой. Это был её резерв соискателей. Опыт некоторых школ был настолько хорош, что ей хотелось сделать его достоянием общества. Но проблема была только в том, что немногие учителя-практики могли его излагать. Вместо описания получался отчёт. Она расстраивалась по этому поводу. Привожу факсимиле: «Оставалась в книжке дыра и в неё (ни того, ни другого) «засунуть» не смогла: убийственные тексты и очень большие. Им ничего не говорите. Мне ведь очень хотелось отобразить их опыт, но пока никак». В некоторых случаях Людмила Ивановна предлагала описать их опыт другим. Однажды последовала просьба и мне: «Побывали бы Вы у неё и, может быть, перевели «в свою веру», не отвлекаясь от личности. У неё ведь личностный подход в школе, а может быть, можно соединить оба подхода?»

12. Отношение к науке. Наука была её уделом и смыслом жизни. Физик и математик по образованию: логичность и ясность мысли были у неё в крови. Предмет её интересов: методологические и теоретические аспекты воспитания, психология и теория управления (менеджмент её не интересовал), науковедение, философия образования. Она была в курсе открытий и новинок в философии. И это понятно, ведь Лидия Ивановна была главным просветителем в этом деле. В разные периоды Людмила Ивановна была увлечена герменевтикой, понимающей социологией, акмеологией, в последние годы синергетикой. Вот отрывок из письма: «Главное же в том, что мы сейчас все на синергетике помешались: Пригожин, Хакен, Аршинов, Курдюмов, Князева и т.д. Аршинов уже у нас выступал, поедет с докладом в Псков. Не знаю, как Вы отнесётесь к учению о самоорганизации, учли ли Вы идеи синергетики в своей работе. Очень интересно». Она высылала мне сборники статей, монографии, журнальные публикации по данному направлению. Такова была дидактика Новиковой.

* * *

II. Педагогика научного творчества Новиковой заключалась в переданном нам понимании педагогики как науки. Мы унаследовали от неё взгляд на педагогику не только как искусство, но и управленческую науку. До неё и до А.Т. Куракина такой взгляд отсутствовал. Да и сейчас ему ещё предстоит пробивать себе дорогу. Раньше я не разделял такого мнения. Стало ясно, прежде чем заниматься методикой, нужно разобраться в теории, а прежде сориентироваться в науке, где множество концепций, систем и понятий, важно было найти место своей теме. Без философии образования и методологии этого не сделать. Мы впитали идеи системного подхода. Новикова, Куракин и Королёв его вводили в педагогику вопреки, как мне говорили, мнению некоторых академиков. Мы усвоили кибернетический подход, царивший в 60-е годы XX века. Овладели теорией коллектива, который у Новиковой выступал

инструментом развития творческой индивидуальности. Нами была освоена теория воспитательных систем. Это был новый поворот от «мероприятийной» педагогики к педагогике отношений. Нас хватило на то, чтобы разобраться в амбивалентном подходе и, наконец, в синергетике.

Средовой подход явился логическим продолжением теории воспитательных систем, из недр которой он вышел и изначально мыслился в качестве инструмента её создания и развития. В теории воспитательных систем и средовом подходе много повторяющихся слов: личность, образ жизни, среда, управление. Но их значения и смыслы разные. В нашем подходе человек не просто цель и результат, но субъект средообразования. Это *первое отличие*.

Второе отличие. Образ жизни рассматривается не по отношению к коллективу, а исключительно к человеку и является способом развития его личности.

Третье отличие. В центре внимания не среда коллектива, не среда школы, а, подчеркнём, исключительно среда человека как индивидуальности и социального типа. Среда перестала быть условием взаимодействия воспитанников, стала средством управления процессом становления личности.

Четвёртое отличие. Управление в средовом подходе — это не непосредственное регулирование взаимодействия человека и среды в воспитательных целях, а опосредованное (через среду) управление становлением личности.

Иначе говоря, смещены акценты и присвоен иной статус ключевым понятиям теории воспитательных систем. Если Л.И. Новикова ушла от системы воспитания, от системы отдельных мероприятий к воспитательной системе, то в средовом подходе получился в некотором смысле обратный ход. От воспитательной системы к системе воспитания (или управления по Х.И. Лийметсу), но уже качественно иной, функциональной, формально-логической, где главным инструментом оказалась среда.

Пятое отличие состоит в том, что каждое понятие было операционализировано за счёт выделения элементарных частиц. Это позволяет описывать, моделировать, диагностировать стоя-

щие за ними феномены, а также (не выходя за границы принципа необходимого и достаточного) преобразовывать педагогическую реальность.

Разработка и понимание концепции средового подхода ни для меня, ни для моего учителя не были простым и скорым делом. К консенсусу нужно было идти целых двенадцать лет. И в этом процессе можно выделить этапы.

Первый этап — эйфория. Людмиле Ивановне понравилась моя инициатива заняться разработкой средового подхода. В педагогике никто о нём ещё не говорил.

Второй этап — негативно-критическое отношение. «Все замечания и резюме остаются в силе», — писала она. «Последний параграф особенно меня расстроил. Очень много чуждых педагогике слов, без которых можно бы и обойтись. Вспомните Чехова: «Они учёность свою хотят показать, поэтому говорят о непонятном». На учёном совете все это поймут как выпендрож. Переписывать надо параграф заново...»

«Ещё одно замечание (скорее соображение): термины надо выбирать, работать над ними. «Меченые» — смысл есть, а гуманизма нет. Ведь это о ребёнке, о Человеке. У кого оспинки на лице, говорят: «Богом меченый», «бог шельму метит». Подумайте над терминологией, раз она Вам же от «классиков» досталась».

«Сегодня выступала в ИПК о «воспитательном пространстве» и Вашей концепции говорила. Спрашивают: «А откуда она взялась, эта терминология — стихии, ниши? Неужели с этими феноменами раньше не встречались и «не обзывали» их как-нибудь? И почему нет понятия крыши. Иметь крышу и иметь нишу — это ведь не одно и то же. И со стихиями много вопросов. Ладно, посмотрим, что получится».

Третий этап. «Что-то надо делать. Как-то выходить». Письмо с набросками

концепции средового подхода, составленной Людмилой Ивановной, я не смог принять по принципиальным соображениям.

Следующий, четвёртый этап. Этап перелома отношения. «Читаю тезисы: внимательно читаю. Пока что нравится. Но до конца ещё не дочитала. Мне кажется, что я больше Вас поняла и многое, хотя и не всё у Вас приняла. Кончайте поскорее «кирпич», а то ведь многое из изобретённого Вами устареет».

«Планирую книжку, которую будем сдавать в производство. За Вами там записана глава «Образ среды в моделировании воспитательных систем». Врите, что хотите, используя свои материалы, догадку, бредовые идеи».

Пятый, к сожалению, последний этап отношений выражен дословно из её письма фразой: «Средовой подход это здорово. Это определённый ключ в науке».

В настоящий момент лаборатория среды продолжает научные изыскания отдельных феноменов в образовании, которые, как мне представляется, были бы интересны и для Людмилы Ивановны. Это касается измерительных техник и экспертизы среды (О.Л. Кораблев), образа жизни школьника (Е.В. Боровская), личностной свободы (А.Л. Лебедева), субъектов средообразовательного процесса и категории меченых (Л.В. Волкова), трофики среды (О.Е. Фефелова), педагогики среды XX века (Е.В. Стародубцева), возможностей использования средового подхода к решению проблем экологического воспитания дошкольников (М.В. Коробова). Начаты исследования возможностей не прямых действий как инструмента опосредованного управления в образовании (М.Н. Троицкий), организации урока как социокультурной ниши (Е.О. Никандрова), интернет-среды учащихся различного возраста (Н.Ю. Конюченко), возможностей средового подхода в формировании жизненных ориентиров школьников (К.В. Троицкая).

* * *

III. Педагогика научной школы академика Новиковой. В лабораторию «Коллектив и личность» АПН СССР стекались педа-

гоги — исследователи и практики со всей страны. Со временем сложилось целое сообщество, которое собиралось там, где появлялась культурная ниша. Это была особая духовная среда, где господствовала атмосфера взаимного уважения, принципиальности, порядочности, научного поиска и высокого служения идеалам образования. Никакая фотография не даст полного представления о персонажах и о том, какая научная и человеческая этика двигала замечательными людьми, среди которых были и остаются: Любовь Кузьминична Баясная, Дмитрий Николаевич Барнуков, Евгений Петрович Белозерцев, Алексей Александрович Бодалев, Юрий Степанович Бродский, Михаил Владимирович Воропаев, Борис Зиновьевич Вульф, Маргарита Дмитриевна Виноградова, Александр Васильевич Гаврилин, Олег Семёнович Газман, Ирина Николаевна Захарова, Наталья Степановна Дежникова, Александр Михайлович Сидоркин, Валерий Петрович Ижицкий, Ульве Кала, Ирина Аполлоновна Колесникова, Анатолий Григорьевич Кирпичник, Владимир Абрамович Караковский, Маргарита Петровна Кузьминова, Александр Тимофеевич Куракин, Ирина Викторовна Кулешова, Маргарита Петровна Кузьминова, Лидия Николаевна Куликова, Хейно Йоханович Лийметс, Валентина Ивановна Максакова, Юри Орн, Евгений Владимирович Орлов, Сергей Леонидович Паладьев, Александр Григорьевич Пашков, Владимир Васильевич Полукаров, Сергей Данилович Поляков, Людмила Алексеевна Пикова, Галина Николаевна Прозументова, Николай Михайлович Рассадин, Наталья Леонидовна Селиванова, Евгений Николаевич Степанов, Владимир Давидович Семёнов, Виталий Александрович Слостенин, Мати Хейдметс, Людмила Александровна Цыганова, Татьяна Владимировна Цырлина, Мария Васильевна Яковцева и многие другие.

Эти люди, у которых я учился, благодаря которым многое переосмыслил.

Когда-то я не поверил А.В. Мудрику, говорившему, что лаборатория Л.И. Новиковой — самое лучшее, что есть в Академии педагогических наук СССР. Сейчас мне кажется это очевидным. **В.Ш**